

СЪВЕРНЫЕ
ЦВѢТЫ.

1826.

С. МЕТЕРЪЮРГЪ.

С Ъ В Е Р Н Ы Е

Ц В Ъ Т Ы

НА 1826 ГОДЪ,

СОБРАННЫЕ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

ИЗДАНЫ

ИВАНОМЪ СЛЁНИНЫМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

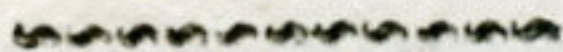
У КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА СЛЁНИНА.

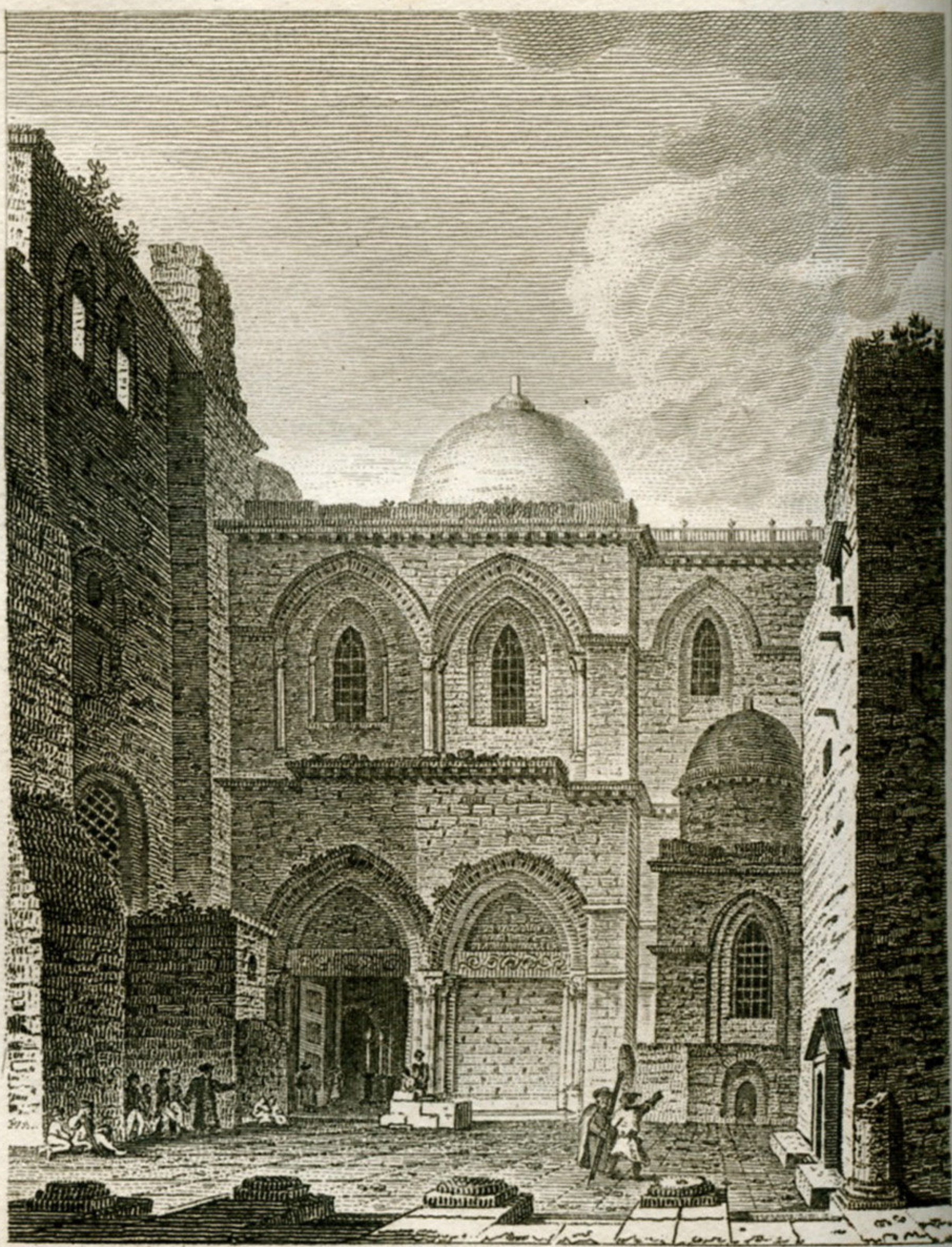
ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

Съ Тобою дравль, о Всесильный,
 Могучій соспязашься мнилъ
 Безумной гордосшью обильный;
 Но Ты, Господь, его смирилъ:
 Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
 Я смершью землю наказую,
 На все подьяша длань моя.
 Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую
 И шакже смершью наказую:
 Съ Тобою, Боже, равенъ я.
 Но смолкла похвальба порока
 Ошъ слова гнѣва швоего:
 Подьемлю солнце я съ восшока;
 Съ закаша подыми его!

А. Пушкинъ.

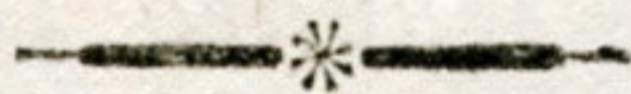

Писалъ М. Воробьевъ.

Грав. У. Кечинъ.

БАРАТЫНСКОМУ.

Изъ Бессарабіи.

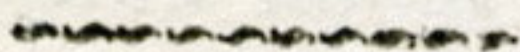

Сія пустынная спрана
Священна для души поэта :
Она Державинымъ воспѣша
И славой Рускою полна.
Еще донынѣ шѣнь Назона
Дунайскихъ ищешъ береговъ ;
Она лепишъ на сладкій зовъ
Пинюмцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часно при лунѣ
Брожу вдоль берега крушаго:
Но, другъ, обняшъ милѣе мнѣ
Въ шебѣ Овидія живаго.

Е му же.

Я жду обѣщанной пенсради :
Чшожь медлишь, милый прубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради
И награди шебя Амуръ!

А. Пушкинъ.

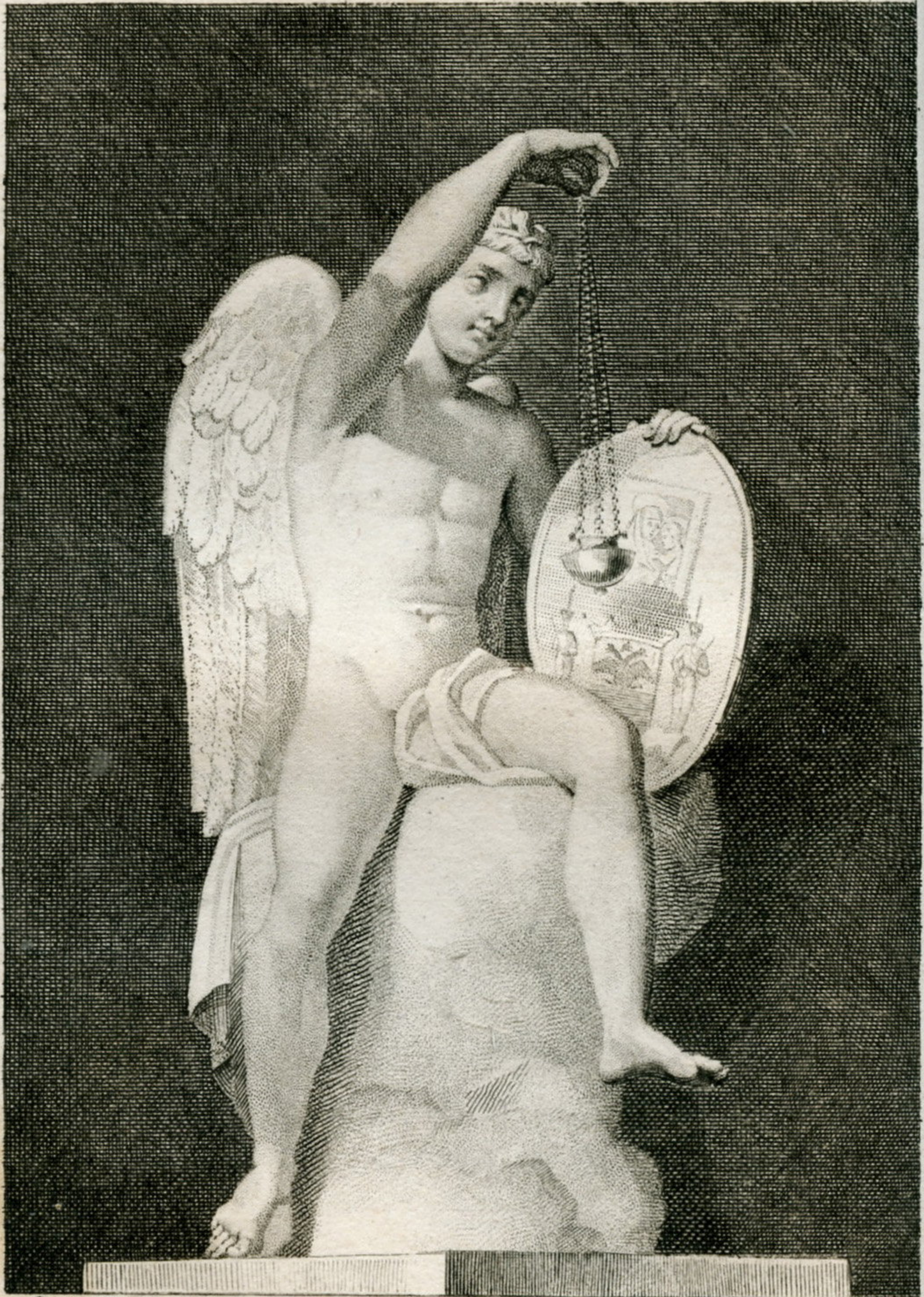

Рисунок Н. Пестрковой со Статуи Н. Мартоса.

Грав. Е. Гейтманъ.

О Т Р Ы В К И

*изъ второй пѣсни Евгенія Онѣгина,
поэмы А. Пушкина.*

XXIV.

Ея сестра звалась Гашьяна...
Впервые именемъ такимъ
Сшраницы нѣжныя романа
Мы своевольно освяшимъ.
И чшожь? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье шаринны
Иль дѣвичьей! Мы все должны
Признашья: вкусу очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужь о сшихахъ);
Намъ просвѣщенье не присшало,
И намъ досшалось ошъ него
Жеманшво, больше ничего.

XXV.

И такъ, она звалась Тапьяной.
 Ни красошой сеспры своей,
 Ни свѣжеспью ея румяной
 Не привлекла бѣ она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная боязлива,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкаться не умѣла
 Къ ошцу, ни къ машери своей;
 Диша сама, въ шолпѣ дѣшей
 Играть и прыгать не хотѣла,
 И часно цѣлый день одна
 Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
 Ошѣ самыхъ колыбельныхъ дней,
 Теченье сельскаго досуга
 Мечшамы украшала ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полошна.
 Охошы власпвовашь примѣла,
 Съ послушной куклою диша

Приготовляешься шуша
 Къ приличію, закону свѣша,
 И важно повшоряешъ ей
 Уроки маминьки своей.

XXVII.

Но куклы даже въ эши годы
 Ташьяна въ руки не брала,
 Про вѣспи города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела.
 И были дѣшскія проказы
 Ей чужды: страшные рассказы
 Зимюю въ шемношѣ ночей
 Плѣняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги на широкій лугъ
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
 Она въ горѣлки не играла;
 Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ
 И шумъ ихъ вѣшреныхъ ушѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
 Предупреждашь зари восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ исчезаетъ хороводъ
 И тихо край земли свѣщлѣешъ

И, вѣспникъ утра, вѣшеръ вѣешъ
 И всходишь посшепенно день.
 Зимой, когда ночная шѣнь
 Полміромъ долъ обладаешъ
 И долъ въ празднои пишинѣ
 Восшокъ лѣнивый почиваешъ,
 Въ привычный часъ пробуждена,
 Всшавала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
 Они ей замѣняли всё:
 Она влюблялася въ обманы
 И Ричардсона и Руссо.
 Отецъ ея былъ добрый малый,
 Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
 Но въ книгахъ не видалъ вреда:
 Онъ, не чишая никогда,
 Ихъ почишалъ пусшой игрушкой
 И не забошился о шомъ,
 Какой у дочки шайный шомъ
 Дремалъ до утра подъ подушкой.

XXXVII.

Своимъ пенашамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій посѣшилъ
 Сосѣда памяшникъ смиренный

Писанъ А. Ероповъ.

Грав: У. Текинъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ЦЫГАНЫ.

С т а р и к ъ .

Ты любишь насъ, хошь и рождень
 Среди богатаго народа;
 Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ нѣгѣ приученъ.
 Межь нами естъ одно преданье:
 Царемъ когда-то сосланъ былъ
 Полудня жишель къ намъ въ изгнанье;
 Я прежде зналъ, но позабылъ
 Его мудреное прозванье.
 Онъ былъ уже лѣшами сшаръ,
 Но младъ и живъ душой незлобной;
 Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобной.
 И полюбили всѣ его,
 И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
 Не оскорбляя никого,
 Людей рассказами плѣняя;

Не разумѣлъ онъ ничего;
 И слабъ и робокъ былъ какъ дѣшнѣ:
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣши.
 Какъ мерзла быспрая рѣка
 И зимни вихри бушевали,
 Они свяшаго сшарика
 Пушистой кожей покрывали;
 Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной
 Привыкнушь никогда не могъ;
 Скипался онъ изсохшій, блѣдной,
 И говорилъ, что гнѣвный богъ
 Его караль за пресшупленье;
 Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье;
 И все несчастный шосковаль,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 И горьки слезы проливалъ,
 Свой дальный градъ воспоминая;
 И завѣщаль онъ умирая,
 Чшобы на югъ перенесли
 Его шоскующія кости
 И смершью чуждой сей земли
 Неуспокоенные госши.

А л е к о.

Такъ, вошъ судьба швоихъ сыновъ,
 О Римъ, о дивная держава!

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ, что такое слава:
 Минутный гулъ, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
 Или, подъ сѣнью дымной кущи,
 Цыгана дикаго рассказъ.

Александръ Пушкинъ.

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

День черный *пятница*: кричишь
 Намъ суевѣръ, покорный страху,
 И повѣряешь жизни бышь
 По Брюсовскому альманаху.
 Счастливицу каждый день хорошъ!
 Но кто у счастья въ черномъ шѣлѣ,
 По неудачамъ шопъ и сплошь
 Сочнешъ семь пятницъ на недѣлѣ.

« Ужъ былъ я въ пятницу дуракъ! »
 Какъ будто въ пятницу? « Какъ въ ящикъ,
 Меня упрятали въ просакъ
 Жена, пріятель и прикащикъ! »

Nucari C. Kunpenckii

Ираруп. У. Пруцпуя

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ письма *А. С. Пушкина* къ *Д.*

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (*) на корабль. Я пошчась ошправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); шамъ сорваль цвѣшокъ для памяти и на другой день поперяль безъ всякаго сожалѣнія. Развалины *Паншикапеи* не сильнѣе подѣйствововали на мое воображеніе. Я видѣль слѣды улицъ, полuzаросшій ровъ, старые кирпичи и шолько. Изъ *Теодосіи* до самаго *Юрзуфа* ѣхаль я моремъ. Всю ночь не спаль; луны не было; звѣзды блисшали; передо мною въ шуманѣ шянулись

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

полуденныя горы..... « Вотъ Чешыр-дагъ, » сказалъ мнѣ Капишанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствоваль. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между шѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣшныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ шапарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, шополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ эшо синее, чистое небо, и свѣшное море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я шощасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всемъ равнодушіемъ и безпечноштію Неаполишанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушашъ шумъ моря

и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфъ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеша не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣсницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ шарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то шаинсвеннымъ, воспочнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ шоковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще

находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и пополи и виноградныя лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣсшница къ морю осшавили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тушъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно миѳологическія преданія сшасшливѣе для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ шушъ посѣшили меня рюмы. Я думалъ спихами. Вошъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?

Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,

Гдѣ крови жаждущимъ богамъ

Дымились жершвоприношенья;

Здѣсь успокоена была

Вражда свирѣпой эмениды;

Здѣсь провозвѣстница Тавриды

На браша руку занесла;

На сихъ развалинахъ свершилось

Святое дружбы шоржесшво,

И душъ великихъ божесшво

Своимъ созданьемъ возгордилось.

• • • • •

Ч —, помнишь ли былое?
 Давно ль съ воспоргомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и лѣнь и пишина,
 И въ умиленьи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай прѣхалъ я больной.
 Я прежде слыхалъ о странномъ памяш-
 никѣ влюбленнаго хана. К. ** поэти-
 чески описывала мнѣ его, называя
la fontaine des larmes. Вошедъ во дво-
 рецъ, увидѣлъ я изпорченный фон-
 шанъ; изъ заржавой желѣзной труб-
 ки по каплямъ падала вода. Я обошелъ
 дворецъ съ большой досадою на не-
 бреженіе, въ кошоромъ онъ изплѣвается,
 и на полуевропейскія передѣлки нѣ-
 кошорыхъ комнашь. Н. Н. почти на-
 сильно повелъ меня по вешхой лѣсп-
 ницѣ въ развалины гарема и на хан-

ское кладбище.

Но не шѣмъ

Въ то время сердце полно было :

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о кошоромъ говоришь М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непременно имъ воспользовался.

Разшолкуй мнѣ шеперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣюшь для меня прелестъ неизяснимую? Опъ чего шакъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣшишь мѣста, оставленныя мною съ шакимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвласшно ему?

Παραστάς Β. Μελισσός.

Γραφ. C. Ταρακμιονίδης.

